

— АМИТА СКАИ —

Волки, вороны
и прошлое,
которое не
отпускает

ДЕВЯТЬ
ЖИЗНЕЙ
— ДО —
РАССВЕТА
— III —

18+

Амита Скай

Девять жизней до рассвета - 3

<https://litres.ru/74491543>

SelfPub; 2026

Аннотация

В лесу глухом, где только волчий вой,
Я заперта меж небом и землей.
На ветках вороньё — не сводит глаз,
Я проживаю жизнь в последний раз.
Моя ошибка — наш с тобой финал,
Ты из-за этой боли зверем стал.
Я умерла, а ты не смог простить,
Решил мой клан под корень истребить.
Теперь ты мстишь, сжигая всё дотла,
За то, что я из жизни той ушла.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	41
Глава 7	51
Глава 8	61
Глава 9	71
Глава 10	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Амита Скай

Девять жизней

до рассвета - 3

Глава 1

Нарастающий гул, тихий стук и раздражающий писк, выловили меня из темной глубины, где не было ничего. Когда я попала на крючок и поднялась на поверхность, мне показалось, что на меня навалилась бетонная плита, я не могла пошевелиться.

Очень хотелось пить. Хотелось, чтобы пронзительный, сверлом ввинчивающийся в мозг писк прекратился, но попытка попросить выключить его провалилась, не захлебнувшись, я ушла под темные воды сна, где упругим импульсом бился пульс. Из этой безбрежной невесомости меня выплюнуло под палящее солнце пустыни.

Изнывая от жажды, я мучилась до тех пор, пока меня не затянуло в зыбучие пески. Знакомый писк вернул меня в реальность, которая лучше бы оказалась кошмарным сном, от него хотя бы можно было бы проснуться.

Не знаю, сколько я так выныривала из пустоты на поверхность и возвращалась обратно, но в какой-то момент я вдру-

почувствовала, как кто-то перебирает мои пальцы, поглаживая подушечкой большого пальца кончики моих ногтей.

Это было так странно... я так давно не чувствовала чужих прикосновений, что все мое существо затаилось, собравшись на кончиках пальцев, а потом я услышала знакомый голос, и от него по телу побежали мурашки, каждый волосок вытянулся антенкой, готовой ловить сигнал.

Это был Алекс. Это был его голос, но я не могла разобрать, что он говорит, и, кажется, он говорил не со мной. Это было так странно. Я слушала мелодию его голоса, пока желание увидеть его не заставило меня открыть глаза, но стоило мне приподнять запечатанные веки, как сверло света сквозь глаза пронзило голову насквозь. Я снова зажмурилась.

Это оказалось так больно, что на глаза набежали слезы. Голос Алекса резко оборвался, а рука застыла. Он сжал мои пальцы.

- Саша? – Вопрос в его интонации завис над нами. – Ты слышишь меня?

Теперь я поняла, что он говорит, но не смогла ответить. Рот был буквально склеен. Обоняние защекотал знакомый запах духов, я хотела почесать нос, но не смогла поднять руку. Я не смогла даже вытащить ее из его руки, к тому же, как только я попыталась двинуть рукой, он сжал мои пальцы сильнее, а потом, судя по всему, вскочил на ноги.

- Детка... только не спи! – Мне показалось, он вдохнул и не мог выдохнуть, поперхнувшись воздухом, застревшим где-

то в груди. - Открой глаза! Я сейчас выключу свет!

Свет действительно погас, и он вернулся ко мне, снова сжав мою руку и продолжив уговаривать открыть глаза. Я попыталась, но это оказалось непросто, хотя свет больше не причинял боли. Спрятавшиеся под ресницами слезы, побежали по щекам. Все плыло и наслаивалось друг на друга, а у его силуэта не было контура.

Глаза защипало, и я их снова закрыла. Алекс к тому времени куда-то убежал, но недалеко, потому что где-то рядом я слышала его крик: «Она очнулась! Десятая палата! Она очнулась!!!». Он вернулся ко мне и снова сжал мою руку.

- Саша, открой глаза! Не спи! Открой глаза!

Честно говоря, я не хотела его слушать, я снова хотела спать, но тут подоспел кто-то еще и когда я не ответила на его вопросы, нажал на основание ногтя на большом пальце так, что мне от боли хватило сил выдернуть из его руки свою кисть и даже приоткрыть глаза. Правда, я все равно ничего, нормально разглядеть не могла.

- Александра, здравствуйте. Меня зовут Виктор Владимирович, я ваш лечащий врач. – Снова повторил он, то, что я уже слышала. – Если вы меня понимаете, сожмите мою руку.

Судя по всему, к нам присоединились еще люди. Они все были в белом, оттеснив Алекса который был в черном. Его темное пятно оказалось где-то за их спинами, но я слышала его голос.

- Александра, если вы меня слышите, сожмите мою руку

или моргните.

- Она ведь очнулась? – Его встревоженный голос доносился сквозь разговоры врачей. Они звучали как улей пчел, среди которого, раздавался голос Алекса.

- Пока не ясно.

Мне посветили в глаза фонариком, и я зажмурилась, стало больно, попыталась отвернуться, но ничего не вышло. Шея не поворачивалась.

- Саша, пожалуйста, открой глаза!!! – Его голос выцеплял меня из равнодушной глубины, куда я медленно погружалась, не желая реагировать на бессмысленные слова. Точнее я не то чтобы не желала. Мне было все равно, и я хотела спать, но его голос, разрядами тока пробегал по нервам, заставляя сердце биться быстрее. – Она открыла глаза! – Он словно пытался убедить врачей, в том, в чем сам сомневался. В знакомом голосе были непривычные страх и надежда. Откуда он знает, как меня зовут? – Саша, сожми руку доктора! – Кричал он сквозь улей пчел. - Сожми руку!

Он так нервничал, что мне стало немного смешно, но веселье продлилось недолго. Я попыталась сжать руку, но сил едва хватило на то, чтобы немного пошевелить пальцами.

- Отлично. Есть реакция! Александра моргнете для меня разок? – Я не хотела ни для кого моргать, ни разок, ни два, но меня продолжали настойчиво просить об этом и сдалась. Сдалась и сделала, как меня просили, чтобы они отстали от меня, но то были напрасные надежды, потому что настойчи-

вые просьбы не заканчивались.

Пока я следила за ручкой врача, до меня начало доходить, что я не могу пошевелиться, более того, я даже дышу не так, как хочу. Я знала об этом, но не осознавала, а когда начала понимать, в мое тело пробралась ледяная рука ужаса, от живота добралась до сердца и сдавила его в кулаке. Тело-саркофаг заперло меня внутри себя, словно птицу в клетке.

В ужасе я отвлеклась от врачей, ища глазами Алекса.

Он улыбался.

Улыбался и зачем-то тер глаза.

Глава 2

Назойливый писк отверткой выковыривал меня из сна, в котором я спряталась от реальности. Чем сильнее я цеплялась за сон, тем настойчивее становились звуки, к ним прибавлялись голоса. Я чувствовала себя крабом, который пытается забраться обратно в свою ракушку, но, как назло, его оттуда все выдергивают.

- Уже двенадцать часов прошло. – Голос Алекса раздался совсем рядом. Слабый запах его духов коснулся обоняния. В носу снова зачесалось. – Это нормально?

- Вполне. – Еще чей-то голос. Кажется, я его уже слышала. – После комы в девять месяцев, пробуждение как изнуряющий марафон, даже если он длился всего пятнадцать минут.

Захотелось поздороваться, но попытка пошевелить языком вернула мне чудесные ощущения, с которыми я познакомилась ранее, но успела забыть, пока спала. Ощущение кошачьего лотка с песком во рту, вернулось.

Очень хотелось пить, во рту была ужасная сухость, горечь и привкус металла, я попыталась вдохнуть через нос, но ничего не вышло, горло дергалось как-то странно и, кажется, по задней стенке, что-то двигалось, что-то что не получалось сглотнуть. Вероятно, это была трубка.

Волна ужаса вернулась ко мне, холодом омывая тело. Я снова попыталась приподняться, но ничего не вышло, попы-

талась сглотнуть собравшуюся в горле слюну и снова ничего не вышло. Та собиралась во рту, затекала в глотку, я чувствовала, как беспомощно дергаются мышцы шеи, но все равно не могла сглотнуть.

Я чувствовала, что вот-вот захлебнусь собственной слюной, еще и трубка в горле. Сердце заколотилось в груди, откуда-то изнутри грудной клетки начались спазмы, я не могла вдохнуть, начался раздирающий грудь кашель, из закрытых глаз брызнули слезы и к ним добавились рвотные позывы. Это было похоже на агонию. Меня пробил ледяной пот.

- Александра, не пытайся глотать, просто дыши. – Голос врача доносился сквозь пожар охватившего меня ужаса, но я совершенно ничего не могла с собой сделать. Я бы выдержала эти трубки, если бы смогла поднять руки, но ничего не выходило. На мгновение мне показалось, что я сейчас умру. Лучше бы я и правда умерла, чем все это... господи это было просто ужасно.

Что-то скользнуло в горло, причем не через рот, а напрямую через горло. Тихое шипение, кашель стал лишь сильнее, но потом я смогла вдохнуть, грудью, но не ртом. Врач спокойным голосом давал инструкции, но у меня не получалось его слушать. Распахнув глаза, я попыталась понять, что происходит, снова рефлекторно попыталась сглотнуть собирающуюся в горле слюну и снова начала задыхаться. Это был какой-то непрекращающийся ужас. Я почувствовала, как меня мелко затрясло.

Вероятно, мне вкололи седативное, потому что договориться не вышло. Я все понимала, но сделать сама с собой ничего не могла, во рту собиралась слюна, я не могла ее не глотать, но проглотить не получалось, я начинала давиться, и витки ада начинались по новой, да еще с присоединяющимися рвотными спазмами. Через какое-то время, вероятно, подействовал препарат, и спазмы медленно угасли. Стало легче. Тело начало расслабляться без моего в этом участия.

Мне хотелось вернуться к волкам. Господи, если бы я знала, что все будет вот так, я бы предпочла остаться в своей зарастающей мхом хибаре. Я ничего не могла сделать, не могла пошевелиться, не могла даже дышать, засыпая, я не хотела просыпаться. Не вышло даже глаз разомкнуть нормально, чтобы оглядеться, пока я боролась со спазмами, из глаз бежали слезы, заволакивая все мутной пеленой.

Меня начало утягивать в сон, спазмы прекратились, а я старалась не глотать и вообще лишний раз не шевелиться. Врачи обсуждали, что-то между собой, иногда я слышала голос Влада. Наверное, стоило бы вслушаться в то, что они говорят, чтобы хоть в чем-то разобраться, но я не могла думать ни о чем, кроме того, что ощущала свое тело как саркофаг. Мертвый, каменный саркофаг, в котором я живая заперта внутри.

Сквозь набегающую прохладную воду сна, я почувствовала, как кто-то не сильно сжал мои пальцы. Мне снова снились волки. Они бежали сквозь поле, мне показалось, что

они за мной. В сердце затеплилась надежда, что они заберут сейчас меня обратно, но неожиданно, что-то вспыхнуло, отпугивая их, и я проснулась.

Открыть глаза в этот раз оказалось легче, но еще до того, как я это сделала, я почувствовала трубку в горле и попыталась собрать всю свою выдержку в кулак для того, чтобы не простимулировать возникновение спазмов, но это оказалось непросто, потому что я поняла, что дышу не сама, легкие словно надувает что-то.

В испуге распахнув глаза, я наткнулась на сидящего у кровати Влада. Упершись лбом в сложенные на моей кровати руки, он спал. Черные, коротко стриженные волосы, короткие пряди у лба, белая деловая рубашка с засученными до локтя рукавами.

Разглядывая его, я заметила несколько белых прядей в волосах. Это что седина? Прищурившись, я попыталась присмотреться. В глазах все немного двоилось, и зрение с трудом фокусировалось.

Не мелировался же он...да несколько белых волосинок в черной, как вороное крыло, шевелюре. У него волосы всегда были густыми и жесткими в отличие от моих. Тут у меня нете волосы, что там.

При мысли о волосах захотелось их разглядеть, но ничего не вышло, зато когда я попыталась покрутить головой, чтобы увидеть волосы, сдвинулась трубка, и я, вероятно, еще и пальцами пошевелила, потому что голова Алекса резко ото-

рвалась от руки. Он на мгновение застыл, просыпаясь, а потом сжал мои пальцы, оказывается, моя рука была в его руке, я этого не заметила. Он обернулся.

Сонное, немного помятое лицо, с отпечатком пуговицы на лбу. Челка нелепо топорщилась, а ресницы на левом глазу слиплись, ему пришлось проморгаться, чтобы открыть глаза. На меня смотрел Алекс. Он был так похож, что у меня побежали мурашки по плечам. На его губах дрогнула улыбка. Мы, наконец, действительно увиделись.

- Ты только не глотай, ладно? – Попросил он, сжимая мою руку в своих теплых ладонях и подсаживаясь поближе.

Я так много думала о том, что сделаю, и скажу, когда вернусь, когда увижу его снова. У меня было столько сценариев и планов, которые я бесконечно крутила в голове и днем и ночью, но ни в одном из моих планов не было трубки в ноздре и в горле, рвоты от попытки сглотнуть собственную слюну и полной беспомощности, но даже так, я навряд ли нашла бы что сказать, потому что я смотрела на своего мужа, в лицо, которое видела и знала в мельчайших деталях и не могла поверить в то, что Влад — это Алекс...

- Я...я так скучал...господи, хорошо, что ты вернулась. – Он прижался лбом к моей руке.

Это было какое-то безумие. Я словно видела его впервые и не могла насмотреться. Я не могла поверить, что Алекс сидит передо мной. А что, если все, что было там, это просто моя фантазия? Мне просто это привиделось, и нет никаких

волков и никакого Алекса. Все это бред от и до.

От этого предположения мне стало дурно. Я не хотела в это верить. Совершенно точно не хотела с этим соглашаться, но что если это действительно правда? Я теряла тех, кого успела полюбить, и право на их существование. На глаза набежали слезы, и все снова заволокло пеленой.

- Эй, эй, тише! – Алекс, в смысле Влад вскочил на ноги, нависая надо мной. - Все в порядке! Все хорошо.

Все не было в порядке и не было хорошо. Я хотела знать, что волки живы, что вороны есть, что наше прошлое действительно существовало, что не мне одной оно привиделось и он помнит ту нашу последнюю ночь в лесу.

Я хотела спросить его, помнит ли он, открыла рот, но заговорить не вышло, раздался лишь странный свистящий, булькающий звук.

- Ничего не говори! Не говори! – Влад провел по моим глазам салфеткой, убирая мешающие мне видеть слезы. – Пока у тебя стоит трубка, ты не сможешь разговаривать, но потом сможешь. Когда ее уберут или поставят клапан, то сможешь. Я все узнал.

У меня едва не начался очередной рвотный позыв и кашель. Я с трудом удержалась на шатающемся плоту самообладания, едва не свалившись в очередной шторм, и меня совершенно выбесило то, что он погладил меня по голове и что-то мне объяснял спокойным тоном! Он все забыл, а я помню! Хотелось заорать на него, что не надо меня утешать!

Чтобы проваливал к черту, раз он все забыл! Или вообще не знает. Пусть катится! И гладить меня не надо! Я ему не ребенок.

Но, черт возьми, я ничего не могла сказать, ни крикнуть на него, ни стукнуть. Получилось только снова заплакать, а этого я точно не хотела. Он говорил, поглаживая большим пальцем костяшки на моей руке, пересказывая мне все, что знал об ИВЛ, а знал он много, я слушала его и боролась со слезами. Я хотела разобраться в том, что он рассказывал мне, но ничего не могла сделать со своей злостью.

Я снова застряла в какой-то проклятой заднице! Сначала эта изба чертова, лес, сырое мясо, шкура эта медвежья, но я там хотя бы двигаться могла, а тут ничего, я себе даже сопلي не вытру, если они вытекут!

Я буквально нагревалась от гнева и снова начала давиться, потому что мой ритм дыхания не совпадал с ритмом ИВЛ, и в момент, когда я почувствовала, что у меня сейчас сердце выскочит из груди, раздался вороний крик и кто-то принялся долбиться в стекло. От удивления я распахнула глаза и вытаращилась в окно.

- Вот блин. – Алекс вскочил на ноги и подбежал к окну. Под мое возмущенное мычание начал закрывать жалюзи, но заметив, что я не согласна, остановился. – Эээ... они тут какие-то сумасшедшие... не закрывать? – Он нахмурился. Я кивнула.

Ворона перестала биться в стекло и села на подоконник.

Ей там тяжело было сидеть, вероятно, он был под наклоном, но она все равно пыталась примоститься, как-то, чтобы не скатываться. Я таращилась на нее во все глаза и старалась снова не зареветь, чтобы глаза опять не заволокло пеленой и ее образ не растворился в слезах. Мне хотелось насмотреться на нее, пока она не улетела.

ДЕВЯТЬ
ЖИЗНЕЙ
ДО
РАССВЕТА

Медицинские пояснения: у Саши трахеостома, плюс назо-гастральный зонд для питания. Это не две трубки во рту, это одна в ноздре, другая идет сразу из горла (как на картинке). Друзья ну вот и начало первой части, спасибо всем кто ждет, читает и ставит лайки. На данный момент написано около четырнадцати глав. Буду признательна за вашу обратную связь.

Глава 3

Мне приснилась старуха, у колыбели с младенцем. Она мычала ему песню и шипела на подлетающих к окнам ворон. Мальчишка не спал и не плакал, перебирал пальцами связанные в бубенцы шишки, тянул те в рот и смотрел в потолок. Я вспомнила о том, что я есть, когда он потянулся в мою сторону руками.

Старуха перестала мычать себе под нос и тяжело развернувшись на скрипучем стуле, хмуро посмотрела на меня. Не знаю, откуда она знала, что я там и чем я ей так не понравилась.

Вздохнув, она тяжело поднялась со стула и, бормоча себе что-то под нос, вышла, закрыв за собой скрипучую дверь и оставив ребенка одного, но нам было не скучно. Домик у нее был крошечный, и младенец для него был большеват. Скорее всего, потом, когда он начнет расти, им придется переехать.

Дурацкий сон, но мне не хотелось, чтобы он заканчивался. Запах трав у потолка и пыли таял под натиском стерильного запаха антисептика и назойливого пищания аппаратуры у моей головы.

Влада рядом не было, зато была медсестра. Я проснулась, и она вызвала врача, заставившего меня доказать, что я в прошлый раз не симулировала пробуждение. Очередная проверка рефлексов, реакций и выполнение дурацких ко-

манд, вымотали меня почти сразу, как начались. К счастью, меня не мучали долго, и в конце медсестра смочила мне губы водой, но пить не дала.

- Пока рано. Потерпи. Если все будет в порядке, то будем снимать тебя с аппаратов, но пока об этом думать еще слишком рано.

Она еще, что-то говорила, но, скосив глаза, я разглядела на подоконнике ворону. Медсестра заметила мой интерес.

- Прилетела, видать, тебя проведать. – Усмехнулась женщина. – Что-то они тут в последнее время озверели. Вашему мужу уже не в первый раз загадили всю машину. Он теперь приезжает на такси. С зонтиком.

Она улыбнись, ворона постучала клювом в окно.

- Умные и злопамятные. Запомнили как он в них... - Она оборвала себя на полуслове и заторопилась на выход. Я бы хотела узнать конец истории, но она недоговорила. Может быть, подумала, что испортит мне этим настроение, но мне теперь было очень любопытно узнать, не про то ли она хотела рассказать, как этот псих в ворон стрелял?

Пришлось остаться со своим неутоленным любопытством наедине, благо мучалась я недолго и почти сразу как медсестра ушла, отключилась, а когда снова проснулась, в палате снова был Влад и снова спал, сидя на стуле рядом со мной.

Поспать он, что ли, сюда приходит? Но мне представилась возможность поразглядывать его спокойно, пока снова не набежали врачи и он не проснулся. Ну несмотря на отпе-

чаток усталости и бессонных ночей, выглядел он все равно гораздо лучше Алекса, окруженного бутылками в его королевских покоях. Это радовало.

Я заснула до того, как он проснулся. Короткие будни разбились на слайды, в конце которых, я не успевала расстраиваться, потому что отключалась быстрее, чем наскребала сил на эмоции.

Когда я, наконец, смогла удерживаться в сознании чуть дольше, чем раньше, мне предложили отключить ненадолго ИВЛ.

- Ну, что, Александра, попробуем сегодня самостоятельно подышать? Что думаете?

Кивнуть у меня нормально не вышло, только дернуть головой, но врачу мой ответ, видно, не очень понравился и меня попросили два раза моргнуть. Пока я моргала, Влад забеспокоился.

- А не рано? Вы уверены? – Он поднялся со своего стула и встал у изножья кровати.

- Уверен я только честности нашей бухгалтерии, в остальном приходится полагаться на божью волю и хорошие анализы, да, Александра? Вы ведь не против, попробовать?

Я снова моргнула и почти кивнула. На всякий случай два раза.

- Вот Александра со мной согласна. А если вы будете не согласны, я вас за дверь выставлю, чтобы вы в нас там сомневались, а не тут.

Врач был пожилой и Влад не стал спорить, недовольно поджал губы и сжал в руках спинку кровати.

- Ну, что сатурация хорошая, кислород в норме, кашляете вы у нас тоже хорошо, будем начинать. Я отключу аппарат, но не сниму его с вас. Не переживайте, задохнуться мы вам не дадим. Ваша задача, сделать вдох, не ртом, а горлом. – Он показал на свое горло, в то место, где у меня теперь стояла трубка. – Не пытайтесь дышать ртом или носом, дышим горлом. Может быть, непросто, но пугаться не нужно. Договорились?

Я моргнула.

- Хорошо. Ну что ж, начинаем.

Пока врач, что-то проверял еще в аппаратуре, Влад подошел ко мне и взял за руку. Я перевела взгляд на него и не расслышала тихий щелчок, зато заметила, когда в палате наступила непривычная тишина, а потом я попыталась вдохнуть и ничего не вышло. Грудная клетка почти не двигалась, я словно атлант подпирающий небо, попыталась приподнять грудь, чтобы вдохнуть, но мне не хватало сил, грудная клетка застыла. Я сжала руку Влада.

- Не волнуемся. Спокойно. Делаем вдох, через горло. Все получится.

Монотонный, немного сонный голос врача, его огромные брови, сползшие на глаза так словно, он спит, успокаивали и, несмотря на заколотившееся в ужасе сердце, я таки смогла приподнять бетонную плиту, лежавшую у меня на груди и,

втянуть воздух.

Ощущение было такое, словно я пытаюсь дышать через соломинку под водой. Каждый вдох давался с каким-то просто невероятным усилием. На коже выступил пот. Я не знала, что это может быть так сложно! Так тяжело! Просто дышать...

Мышцы не работали, ребра ужасно болели, но я была так сосредоточена на дыхании, что ярко ощутила всю гамму ощущений, только когда врач снова включил ИВЛ.

- Отлично. Даже очень хорошо. Трех минут на первый раз достаточно. Вечером приду, попробуем еще.

Трех минут?! Врач вышел, медсестра вытерла пот с моего лица. Я озадаченно посмотрела на довольного Алекса. Мне хотелось закричать вслед врачу: «Трех минут?! Вы серьезно?! Я могу больше!». От возмущения и желания заговорить, я начала сглатывать, снова почувствовала зонд в горле, к которому мне казалось, что я привыкла. В горле запершило.

- Ну? Что такое? – Медсестра помогла предотвратить приступ кашля. – Рано он вас отключил? – Угадала она.

Я моргнула.

- Ничего страшного. Для первого раза достаточно. Вечером он снова придет и вот тут уже придется потрудиться.

Так и вышло. Когда я проснулась, седой врач, с густыми, напалзающими на глаза бровями сидел уже рядом и смотрел на меня сквозь эти заросли.

- Ну, что, Александра, потрудимся еще немножко?

Я кивнула, он улыбнулся и отключил меня от аппарата. В этот раз мне действительно дали дышать столько, сколько я сама смогу, и оказалось, что могу я на пару минут дольше. Поначалу я пыталась вдохнуть, в этот раз получилось быстрее, потом я какое-то время дышала, преодолевая продолжавшую лежать на груди никому не видимую бетонную плиту, а потом, когда мне показалось, что все в порядке, вдохи вдруг стали короче и как я не пыталась глубже вдохнуть, не получалось.

- Ну, что, пока достаточно? – Спросил у меня врач и, не дождавшись моего ответа, включил аппарат, дыхание вернулось в норму.

Мне показалось, что я финишировала в изнуряющем марафоне. Я буквально чувствовала, как взмокли корни волос, и чувствовала себя ужасно уставшей. Врач похвалил меня, за то что я продержалась шесть минут и ушел, в палате никого, наконец, не осталось, кроме вороны за окном, которая вскоре растворилась в слезах.

«Шесть минут», повторяла я себе. Шесть минут. Шесть чертовых минут! Я едва не умерла от усталости! Я занималась гимнастикой, и даже в самые интенсивные тренировки я так не уставала, тем более за шесть минут. Когда я отсюда выйду, если меня утомляет дыхание длинной в шесть минут?

В это раз меня не спас сон. Ужас моего положения ночным кошмаром навалился на меня всем своим весом. Я пыталась успокоиться, чтобы не начать снова давиться трубкой

и кашлять, но чем сильнее я старалась не реветь, тем хуже у меня это получалось, меня буквально начало сгибать от слез, хотелось завывать в голос, тело мелко задрожало.

- Саша? – Алекс со стаканчиком кофе зашел в палату и сначала застыл на мгновение, удивленно смотря на меня, а, потом сунув куда-то стакан, подбежал ко мне. Только его мне тут не хватало! Хотелось остаться одной! Я не хотела, чтобы он видел меня такой! Чтобы видел все эти слезы и сопли, которые я даже вытереть сама не могу. – Что случилось?! Что болит?

Я пыталась помотать головой, чтобы дать ему понять, что ничего не болит, но до того как я успела до него что-то донести, он завопил, что мне плохо! Придурок! Кретин! Идиот! В итоге в палату из-за моей истерики сбежалась половина отделения, чтобы я умерла не от слез, а от стыда. Пришлось еще десять раз поморгать и покивать, доказывая, что со мной все в порядке. Но как все может быть в порядке, если от слез мне медсестра лицо протирает?!

Глава 4

Проснувшись среди ночи, обнаружила в руке мягкий мячик. Наверное, Влад принес. Легкий, почти невесомый, он удобно лежал в ладони. Я попыталась его сжать, так чтобы сплюснуть, но ничего не вышло. Немного смяла, но не больше. Пальцы ужасно болели, ныли, едва ли не скрипели.

Захотелось запустить в кого-нибудь этим мячом, и у меня был на примете один кандидат, но мяч до него не долетит. Влад спал на достаточно широкой кушетке, которая с его ростом, все равно была ему тесновата. Челка немного разметалась, открывая лоб. Он был в спортивных брюках и серой футболке, а костюм в чехле, висел на спинке. Он был современным. Это было так странно...

Я продолжала видеть в нем Алекса. Два образа наслаивались друг на друга, вызывая странный диссонанс. Я не знала, как мне к этому относиться. У нас и так то отношения были непростыми, а теперь к ним добавятся воспоминания из леса.

Мне приходилось самой себе напоминать, что теперь его зовут Влад. И мы тут женаты. На мысли о том, что мы тут женаты, я особенно долго зависала. Теперь наш брак здесь воспринимался мною несколько иначе...

И хотя я сбежала от него, формально мы так и не развелись. Вообще, предстояло как-то во всем этом разобраться,

но честно говоря, я не понимала, как сделаю это, потому что, помимо того, что я пока не могла говорить, я еще и тупила по страшному.

Просыпаясь, я думала о том, что нужно подумать о наших отношениях, что-то решить. В какой мы сейчас точке? Потом я просыпалась снова и думала о том, о чем планировала подумать в прошлый раз, но почему-то не подумала, я пыталась думать, почему не подумала и просто зависала. В общем, голова работала с трудом. Я чувствовала себя старым телевизором, у которого плохо ловит антенна и рябит экран.

Ко всему прочему никак не получалось вспомнить аварию и то, что было до нее. Я вообще с трудом вспомнила тот день...хотя я не уверена, что это был именно тот день. Может быть, это был обычный день. Потом я пыталась вспомнить, как я оказалась в лесу и как нашла свою избу, и тоже ничего не получалось. Помню только уже саму избу и полусырые старые шмотки, как я в нее попала, непонятно. От слишком настойчивых попыток вспомнить начинала болеть голова. К счастью, Влад сказал, что в аварии кроме меня никто не пострадал.

Безуспешно поковырявшись в памяти, я решила снова потренироваться. Цель была простой, как пять копеек, я собиралась оторвать руку от кровати и дотянуться до лица, ну или хотя бы до груди.

Выпустив мяч из руки, я начала ее приподнимать и, совсем чуть-чуть согнув в локте, смогла упереться ею в соб-

ственный бок. Ощущение, что я железный человек из изумрудного города и мне нужно масло для моих ржавых конечностей, крепло во мне с каждой минутой. С помощью невероятных усилий мне удалось немного приподнять руку, и я почти смогла положить ее на живот, но в итоге ничего не вышло, соскользнув по одеялу, рука упала на постель.

Прикрыв ненадолго глаза, я ощущала, как горят ослабевшие за девять месяцев мышцы, снова захотелось спать, но не открывая глаз, я решила попробовать еще разок. Не для того, чтобы получилось, а просто «закрепить результат», если смогу сейчас приподнять руку на несколько сантиметров от кровати несколько раз, хотя бы два раза, то через неделю точно уже положу ее на живот, ведь так?

Плюс был еще в том, что сейчас была ночь и можно было потренироваться, без чужой жалости и сердобольной помощи. Не открывая глаз, я приподняла ладонь и услышала, как что-то тяжелое шлепнулось на пол. До того как я успела предположить, кто уронил слона, тот подал голос.

- Саша?!

Открыв глаза, я увидела это чучело сонное, поднимающееся с пола, которое явно еще спало и едва держалось на ногах. Судя по походке, он сам проснулся, а тело еще нет, потому что его немного вело, ноги подгибались, и один глаз не до конца открылся. Прямо как в зомби-апокалипсисе.

- Что? Что случилось?! – Спросил он у меня так, словно я ему ответить могла. – Позвать врача?

Ну, только вот врачей мне тут не хватало. Я пыталась ему как-то подать сигнал, что все в порядке, но так как он спал, еще, судя по всему, моих отрицательных подергиваний головой он не считал.

Очень захотелось рывкнуть на него, чтобы шел спать. Он даже за бортик моей кровати держался так, что я не сомневалась, что если он исчезнет, то это просто шмякнется на пол и не проснется. Влад вообще всегда очень крепко спал, в любых позах и любых местах. Как видно, совесть его ни за что не мучила и никакие тревоги не одолевали, чтобы тревожить его сон. Разбудить его ночью было просто невозможно, а тут гляньте, ни с того ни с сего проснулся.

- Что? – Разлепив закрывающийся левый глаз, он подошел поближе и наклонился ко мне, едва не ткнувшись мне своим ухом в нос. В его сонных мозгах явно происходил какой-то загадочный процесс, который он как-то себе интерпретировал. – Ты хочешь что-то сказать?

Да, я хотела сказать ему, что он идиот, но, к сожалению, не могла. Язык как никогда чесался на парочку язвительных комплиментов.

- Тебе сейчас лучше не говорить! – Честно говоря, по тому, как он держался за мой бортик, я невольно заподозрила, а не пьян ли он, но когда он снова ко мне наклонился, запаха не было, да и не в характере это Влада.

Раз человек так старался от меня, что-то услышать, я ради такого дела все же попыталась выговорить «Идиот, иди

спать», но ничего не вышло. Даже «Идиот» не получилось произнести. Свистящий звук вылетал из горла и тревожил трахеостому.

С трудом сглотнув першение в горле, я закрыла рот, чтобы не спровоцировать кашель, а этот малахольный решил, что я хочу что-то важное поведать этому миру глубокой ночью и пошел будить врачей, собрав вокруг моей кровати, всех, кого нашел, и даже санитарку на всякий случай прихватил.

Действительно. У нас же тут поле чудес, кто-то да отгадает, какого рожна ему не спится на своей кушетке. Жаль, я не могла попросить для него транквилизатор перед сном, чтобы он не просыпался среди ночи и не устраивал нам всем не нужные приключения, но сказать я ничего не могла, могла только раздраженно смотреть на всех, кто пытался задавать мне наводящие вопросы.

Скоро я освою азбуку Морзе и научусь моргать ругательствами. Мне явно нужен такой навык. Когда я ответила на все вопросы морганием и даже пару раз смогла кивнуть, от меня отстали, но этого оставили без транквилизатора, без седативного и без присмотра, потому когда все ушли, он не ушел вместе со всеми, как я бы хотела, а умылся из раковины в палате и пододвинув стульчик, сел ко мне. Надеюсь, не беседы со мной задушевные вести, а то мне очень тяжело жить, когда я не могу ему хамить.

- Ты такая красивая. – Выдал он мне спустя пару минут тишины, а потом сложил руки на моей кровати, уперся в них

лбом и сжав в своей ладони мою, отрубился. Ну да, аудиенция окончена. В целом я не удивлена. Слава богу, заснул.

Поборов желание коснуться его волос (наверяд ли бы это у меня получилось), я тоже почти сразу, вслед за ним отключилась, а утром, когда я проснулась, его уже не было и откровение о том, как я теперь хожу в туалет, застало меня без него.

Я бы лучше еще раз тушу медведя разделала, а потом трижды выделку шкуры пережила, да хоть раз десть, только вот не это. У меня буквально загорелось лицо от унижения, стыда и ярости. Я начала потеть и злиться. Попыталась себя растормошить, забыв в порыве чувств, что у меня не оцепенение, а атрофия всех мышц за девять месяцев лежания в постели.

Глава 5

- Кошка животное упрямое. Если она дорогу перебегает, то, даже если вот-вот попадет под колеса, все равно бежать будет вперёд. Собака — животное трусливое, она испугается и повернет назад. - Влад вздохнул и как-то странно посмотрел на меня.

- Что? - Не поняла я, отвлекаясь от просёлочной дороги, по которой ехала.

- Ну а курица создание глупое, в панике будет метаться перед машиной. - Закончил он, так и не ответив на мой вопрос.

Какое-то время я ехала молча, пока не поняла, что он вложил в эту свою театральную паузу перед курицей.

Я попыталась подавить приступ бешенства, который он у меня вызвал. Я нее хотела отвлекаться на очередные потасовки, которые закончатся потом в горизонтальной плоскости, но чем дольше я терпела, тем сильнее нагревалась от бешенства.

Сжимая руль в руках покрепче, чтобы не врезать ему, я буквально чувствовала, как этот паршивец, прикусив нижнюю губу, чтобы не засмеяться, ждал, когда я взорвусь, но я ему такой радости доставлять не собиралась. Я решила, что не поведусь на его провокации, а отомщу ему попозже, но как только дорога свернула вправо, показался первый забор

и из-за него на дорогу вышли гуси, а следом куры.

- О, глянь! Соплеменницы твои на вечерний променад вышли.

Резко вдавив педаль тормоза, я с удовольствием пронаблюдала, как этот представитель умственно угнетенных, влетает в приборную панель. Ехала бы я чуть быстрее, пробил бы лбом свое треснутое лобовое стекло. Он как раз забыл демонстративно пристегнуться. В первый раз он на себя даже шлем нацепил и капу в зубы себе вставил. Мне он тоже предложил шлем и капу. Это он, конечно, правильно сделал, потому что когда я его в шлеме увидела на пассажирском сиденье как раз зубы и попыталась ему выбить.

Мне кажется, ему в целом нравилось, когда я его бью, потому что он постоянно напрашивался. Я даже не сомневалась, что он мне за руль дал сесть, чтобы устроить весь этот цирк со шлемом и старой подушкой, которую достал с заднего сиденья, когда я, немного успокоившись, села, наконец, за руль. В итоге отбила себе все руки об него, а ему хоть бы хны.

Не знаю, почему об этом вдруг вспомнила, я пыталась отковырять в голове какие-то воспоминания последних лет, но в итоге вспомнила эту ерунду. Да еще так ярко, словно на мгновение вернулась в ту первую его машину, которую я же потом и разбила, скатившись на ней в овраг.

Мы поссорились в очередной раз, мне не нравились его эти серые делишки с его друзьями, в которые он, как мне ка-

залось, начал ввязываться, и я устроила ему выволочку, когда у него денег вдруг ни с того ни с сего прибавилось резко.

Он все отрицал, но врать мне ему никогда не удавалось, я буквально чувствовала, когда он брешет, даже когда он еще рта не открыл, я просто знала, что он что-то скрывает, и начинала допытываться. В тот раз было также, я нашла в багажнике спрятанную шубу. Сразу поняла, что это мне, но денег у него на нее не могло быть, а значит, он ее купил и прятал от меня, придумывая, как мне ее всучить так, чтобы я не задала вопросы откуда деньги.

В итоге я нашла ее сама, обвинила его в том, что он возит на своей машине какую-то шлюху, которая забыла у него шубу. Он начал доказывать, что никого не возил и никакой шлюхи нет, будто я без него не знала, но мне нужно было вывести его на чистую воду.

- Правильно мне мама говорила, что ты блядун! Шлюхан! – Завелась я с пол-оборота. – Возил какую-то проשמандовку, пока я не видела?!

- Да ты двинулась, что ли?! – Ой, как мне нравилось вводить его в состояние недоумения, у него такое лицо нелепо-смешное получалось, сразу хотелось с ним пообниматься, но в тот момент нужно было держаться, иначе он поймет, что я блефую. – Никого я не возил!

- А откуда шуба?! – Я прищурилась как наша вахтер, видевшая все грешки студентов насквозь, даже те, что они еще не успели совершить, а только запланировали. – Только не

говори мне... - Начала я, медленно выпрямившись и изобразив догадку, озарившую меня. – Что ты ее украл! Неужели ты до такого опус...

- Да не крал я ее! – Рывкнул он, начиная краснеть. – Я ее купил! Тебе дура! Тупица безмозглая!

- Купил? – Сложив руки на груди, я вскинула бровь, симулируя удивление. – А на какие шиши ты ее купил? Это у нас теперь студенты-таксисты так зарабатывают, что им на шубу хватает?

Я вперила в него свой самый опасный взгляд, уже без всякой симуляции. В таких ситуациях я уже сама себя боялась и наблюдала едва ли не со стороны сама за собой.

- Заработал и купил. – Влад отвел взгляд.

- Где ты заработал?!

Он молчал, вероятно, придумывая очередные выдумки свои, вообще деньги к нему липли быстро, он в свой институт на своей машине приехал, когда все еще на своих двоих бегали, но вот как он ее заработал я так и не поняла. Мне сказал, что купил у какого-то деда, с большой скидкой после аварии, но я видела, что девятка новая, он не мог ее так перебрать.

- Подработал на стройке.

Он, вероятно, меня совсем за дуру считал. Он и на стройке. А то я его не знаю. На стройке он горбатится, не будет, а если и будет, то только если помыкать там кем-нибудь на этой стройке. Если, конечно, его эта шайка шакалов с ним на

стройке была и за него кирпичи носила, может быть, но сомневаюсь, что эти ублюдки, туда пошли работать. Если они там и были, то скорее кого-то в бетон закатывали. От такой догадки по спине пробежал холодок. Я до ужаса боялась, что он ввяжется в банды или попробует чего похуже.

- Сссскатина! – Я с ним просто какая-то ненормальная стала, потому что вцепилась в него до того, как успела подумать, что лучше в этот раз обойтись без потасовки, я только ногти новым лаком накрасила, но увы, благоразумие снова запаздывало. – Витьке еще сорок дней нет, а ты уже снова ввязался в свои эти делишки?!

- Да не ввязывался я! – Прикрываясь руками, от ударов, он пытался мне какую-то белыми нитками шитую историю рассказать, но я ему не верила.

Отбив себе все руки, я подскочила к еще открытому багажнику, вытащила замотанную в большой черный пакет шубу, разодрала его и вышвырнула ту в лужу, из которой мы только что вытащили забуксовавшую машину.

- Если тебя пристрелят или забьют где-то в подворотне, на кой черт мне тогда твоя шуба?! Ублюдка кусок!

- Да ты знаешь, сколько я за нее отдал?! – Завопил этот малохольный, бросаясь к луже.

Пока он ее доставал, я запрыгнула на водительское сиденье, закрыла двери и завела машину. Не знаю, куда я собралась ехать, водила я тогда чуть больше недели, он меня учил, но в тот раз ехала я достаточно уверенно, подпрыгивая на

кочках, Влад бежал за мной вместе с мокрой грязной шубой, которую прижимал к себе и матерился, прося меня остановиться по-хорошему, потом по плохому, потом снова по-хорошему.

Когда он снова перешел к угрозам, машина вдруг подпрыгнула на очередной кочке, я не удержала руль, вильнула вбок, и меня унесло в овраг. Сразу все мысли из головы выпали. Овраг был глубоким, почти незаметным, я вообще думала, что это кусты среди поля растут, а это, оказывается, макушки деревьев были. В одно из таких деревьев я и влетела, если бы не оно, я бы улетела еще дальше.

Удивительно, но отделалась я тогда переломом ребра и руки, а все потому, что уже не держалась за руль испугавшись и повернувшись боком, закрылась руками. Я думала Влад меня убьет, когда добежит до меня, но он тогда ничего не говорил. Белый как простыня, смотрел на меня квадратными глазами и молчал. Единственное, что мне тогда отчетливо запомнилось, это как у него тряслись руки.

Удивительно, в водовороте жизни я совсем забыла о том дне. О том, как он помогал мне выбираться из машины так, чтобы она не накренилась вбок и не улетела ниже, как, вытащив меня из машины, закутал в эту шубу и побежал обратно, через все поле за помощью, нашел какого-то деда, у которого вся его шестерка была забита мешками с картошкой и для нас место едва нашлось.

Всю дорогу до больницы, немного приходящий в себя

Влад безбожно жаловался деду на меня и тот материл меня, на чем свет стоит. Я сначала терпела, потому что было больно говорить и дышать из-за ребра, но когда меня в очередной раз обозвали, собралась с силами и нажаловалась деду на Влада. Словно это наш дед родной был, жаловались ему друг на друга как родственники.

Дед меня выслушал и встал на мою сторону, принялся Влада костерить. Мне прям похорошело после этого. Я боялась за него, девяностые отгремели без нас, но Влад явно пытался запрыгнуть в последний вагон, все что-то «мутил» со своими дружками, и мне это очень не нравилось. Уже двоих ребят из его компании в живых не было, ко всему прочему я боялась, что, несмотря на институт его призовут в армию, а там тогда все было очень беспокойно.

С дедом этим Влад в итоге сдружился крепче, чем с друзьями со своими, и мы к нему ездили несколько раз в гости на дачу. Влад ему помог в бане крышу достелить. Ну как помог, дружков своих приволок, и те все сделали. Я не понимала, как они с ним дружат, если он у них как прораб на стройке, только указания раздает.

- Ты на меня смотришь, как кот твой, бесноватый. – Влад застыл в дверях моей палаты с кружкой кофе в руках.

Откуда у него тут кружка своя? Кто ему кофе наливает? Я уставилась на него еще более подозрительно.

- Я могу пройти? Ты на меня не набросишься? – Ерничал этот засранец.

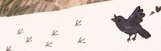
Я заметила на запястье золотые часы. Рукава белой рубашки были засучены, и я увидела часы. Слишком дорогие. И палата эта отдельная... насколько я знаю, в реанимации нет отдельных палат. Только в ведомственных клиниках нечто подобное можно найти, но каким боком я в ней оказалась?

Мы не общались как минимум четыре года, что происходило в эти четыре года, пока меня не было? Когда я сбежала от него, я еще не знала, что беременна, а когда узнала, все равно возвращаться не стала, он набирал обороты, а я не давала ему развернуться во всю ширь его натуры, и мне самой с ним было непросто. Вероятно, как и ему со мной.

Стоило бы обо всем этом подумать хорошенько, но у меня уже и так мозг вскипел от всех этих мыслей и воспоминаний. Влад присел ко мне у кровати, но я даже поморгать ему не успела, чтобы поздороваться, захотелось спать.

Девять жизней до рассвета)

Глава 6

Время и пространство текло по своим каким-то странным законам. Порой мне казалось, что палата и Влад мне тоже снятся. Я даже надеялась, что это так. Я и хотела и не хотела возвращаться. Не просыпаться и тонуть, в вязких муторных снах было приятнее, чем открывать глаза и снова обнаруживать себя в кошмаре реальности, где я прикована к постели, с трубками в носу и горле, с плавающими у головы мониторами и телом, к которому я все никак не могла привыкнуть.

Порой, еще до того как открыть глаза, во мне зажигалась надежда, что все это просто сон, затянувшийся кошмар, а рядом спит Тема, я сейчас открою глаза и его к себе прижму, но стоило попытаться пошевелиться, как боль в деревянном теле разгоняла все иллюзии.

Я неплохо умела справляться со своими проблемами в одиночку, но, как оказалось, совершенно не способна справиться с ними вместе с кем-то. Разделывать без всяких навыков тушу медведя, промывать лапу попавшему в капкан волку, перезимовать в дряхлой избе, легче, чем не иметь возможности почесать собственный нос, элементарно держать голову на весу, самой себя обслуживать... У меня было ощущение, словно с меня кожу сдирают.

Если Влад надеялся, что я буду ему за это благодарна, то он ошибался. Благодарна я ему буду, если он свалит из моей

палаты и не будет показываться мне на глаза, пока я сама на ноги не встану. Вот за это я была бы ему действительно благодарна, но он был тут.

Он был в палате каждый чертов день. Иногда я просыпалась оттого, что он переворачивает меня со спины набок и делает это так, словно делал это уже множество-множество раз. Мне хотелось рявкнуть на него, чтобы он отошел от меня, но я не хотела, чтобы он знал, что я знаю о том, что он делает, я не хотела быть обязана ему за помощь. Вся эта благодарность как ярмо на шее.

Сначала это ярмо мне мама на шею повесила, выставив свой счет за мою жизнь, а теперь я еще и ему буду должна благодарность, которой не чувствовала. Я вообще только злилась и все. Я пыталась как-то призвать свою совесть, чтобы та приструнила меня, но ярость от собственной беспомощности выветривала из меня все благородные чувства, вместе с благодарностью.

Кстати, маме я была благодарна, за то, что ее тут не было. Мне, конечно, было очень любопытно, где она, но я все же надеялась, что она не придет. Хотя, если выбирать, кого бы я хотела видеть рядом с собой, я бы все же выбрала ее, а не эту душеньку-простодушеньку, милейшего аллигатора в шкуре ягненка, будто я не знаю, что это за сволочь.

Мне еще не давали пить, потому что я плохо глотала из-за атрофии мышцы, пока просто смачивали губы, но даже если мне дадут попить, навряд ли я смогу что-то выговорить,

я пыталась что-нибудь сказать, пока никого нет, но у меня ничего не вышло. Уревелась и заснула.

Если бы я могла говорить, я бы уже давно наговорила Владу кучу гадостей, чтобы он свалил от меня раз и навсегда. Если бы гадости и оскорбления не помогли, наврала бы ему, что у меня вообще уже отношения второй год. Или третий. С соседом из подъезда. Тот, кстати, и правда за мной пытался ухаживать, симпатичный парень такой, но, во-первых, я не хотела иметь на своей совести невинно убиенного или покалеченного человека, а во-вторых, он мне не нравился.

«Парнишка неплохой, только ссытся и глухой», — прокомментировал внутренний голос, похожий на Владу. Ну, он не ссался, конечно, ничего такой парень, спортивный, дружелюбный, как собачка, без зазрения совести и каких-либо позывов долга я бы с ним сошлась, я даже сходила на одно свидание. Сходила и поняла, что этот черт глазастый, меня, скорее всего, проклял.

Все мне было не то и не так. Запах не тот, голос не тот, шутит не так, когда я над ним сама пошутила, расстроился, Влад всегда смеялся над всеми моими ядовитыми шутками. Смех у него некрасивый, одевается некрасиво, фигура хоть и спортивная, но не как у Влада и запястья уже чем у Влада, везде этот Влад, Влад, Влад. Имя еще, какое раздражающее, бесячее.

Ну и что, что у меня такое же имя было, я его себе не выбирала. Этот, конечно, тоже не выбирал, но все равно ему

оно как-то не шло, хотя нет, шло, конечно, господи хоть бы он свалил куда-нибудь из палаты, я уже устала прикидываться спящей.

- Если ты пукнешь во сне, я никому не скажу. – Сказал мне Влад на ушко, и я буквально дернулась, чтобы ему врезать, но, конечно, ничего не вышло. Зато я попалась, открыв глаза. – Доброе утречко вам. – Пропел Влад. – А кто это у нас тут симулирует сон?

Я бы ему сказала, что я еще и оргазм симулировала, но это было неправдой, но я бы все равно набрехала, лишь бы эту улыбочку с лица стереть. Интересно, если попросить врачей его ударить, они согласятся? Хотя я не могла ни о чем просить. Господи, какая досада.

- Ммм я прям, вижу, как в твоей хорошенькой головке, жужжит рой злобных мыслей и плохих слов, но ты бедняжка не можешь их мне все озвучить. – Он подтянул стул на колесиках и сел напротив. – Я угадал?

Я утвердительно моргнула. Что уж отпираться, мы друг друга, судя по всему, не одну жизнь знаем.

- Понимаю, понимаю. – Покивал он, крутясь на стуле. – Тяжело. Особенно такой злыдне, как ты, но ничего, потерпи немного, скоро поставят фонационный клапан и, скорее всего, по чуть-чуть уже начнешь сыпать проклятиями.

- Проснулась? – В палату заглянул врач с мохнатыми бровями. – Подышим?

Я моргнула, Влад кивнул, врач зашел в палату, меня снова

как сардельку на сковородке перевернули на другую сторону, в этот раз на спину. Врач посмотрел на мониторы, отнял стул у Влада и, повторив свою короткую инструкцию, отключил аппаратуру.

Аппарат дышал за меня, поэтому когда его отключали, я не сразу вспоминала, как я сама дышу и с какой скоростью, но с каждым разом адаптировалась я все быстрее. Сегодня врач не спешил с завершением процедуры, дав мне потрудиться подольше. К концу процедуры я чувствовала, как болят ребра и бока, но самое главное, как я не пыталась сделать глубокий вдох, к концу процедуры он неизбежно становился все более коротким и поверхностным. Врач включил ИВЛ.

- Почти семь минут. – Гордо сказал врач, показав мне «класс». – Так держать. Очень хороший результат.

Да просто отличный... семь минут... я вся вспрела за эти семь минут. Еще и голова заболела. Давление, кажется, поднялось.

Пока я боролась с собственным телом за дыхание, Влад подпихнул свою ладонь под мою, и пока я дышала, особенно в конце, я от напряжения, сжимала руку, ну, во всяком случае пыталась насколько могла. Так было легче аккумулировать силы, которых нет, но когда врач ушел, руку он свою не убрал, продолжая держать меня за руку.

Какое-то время я не обращала на это внимание, потому что отходила от процедуры, снова привыкая к тому, что аппарат дышит за меня, а потом заметила. Он стоял в неудоб-

ной позе, врач ведь забрал у него стул, но не спешил отходить.

Стало неловко. Какое-то время я делала вид, что все в порядке, что он держит меня за руку и поглаживает большим пальцем кончики моих ногтей, но с каждой минутой, становилось все сложнее игнорировать те странные, безымянные чувства, которые распирали меня изнутри от соприкосновения наших рук. Надеясь, что он незаметит, я скосила глаза на него, почти сразу отвела, но он поймал мой взгляд.

- Уверен, ты скоро как медуза Горгона, начнешь одним только взглядом убивать людей. – Прокомментировал он ухмыляясь.

Я закатила глаза. Он выпустил мою руку, переставил стул на прежнее место, но не сел в него, а подошел к своей сумке, вытащил из нее какой-то блокнот, в котором я позже разглядела детскую книжку.

- Мой сын, которому ты дала дурацкое имя, сказал прочесть тебе сказку.

Если бы у меня была клюшка и я бы могла делать на ней зазубрины, чтобы не забыть, сколько раз он меня выбесил и потом отлупить его за каждый из разов, я бы сейчас сделала бы самую глубокую зазубрину. Он немного приопустил книжку, так чтобы увидеть мою реакцию, увидел, и довольный собой принялся читать сказку.

- Жил-был один красивый, умный, сильный поросенок. Жил он себе прекрасно, пока не встретил другого поросенка.

ка, красивого, но безмозглого.

Я уже поняла, куда эта сказка ведет и кто ее автор.

- Полюбил эту немочь бестолковую всей душой и начал строить домик, чтобы спрятаться там от Серого Волка, но, оказывается, не надо было строить домик, надо было просто волку дать денег, на его собственный дом, в курортной зоне, подальше от дома поросят, а потом оплатить путевку в санаторий, поправить здоровье, потом в Египет, потом в Японию, Италию и США, и он сам отстанет. И от немочи безмозглой, и от их ребенка.

Он опустил книжку и зло посмотрел на меня. Кажется наше обоюдное желание не бесить друг друга, продержалось недолго. Я просто вспотела от ярости и от желания наорать на него и треснуть ему этой книжкой, которую он держал вверх тормашками, но сделать ничего не могла, в итоге неутихающий вулкан нашел единственный выход наружу и начал собираться слезами на глазах.

К счастью, мне удалось их сдержать, но Влад заметил и закрыв книжку, явно собирался с силами, чтобы извиниться. Только мне его эти извинения из жалости не нужны. Мы оба не любили извиняться, и не умели это делать, поэтому я не хотела его извинений. Мне от них неловко.

- Извини. – Выдавил он из себя. Лучше бы не выдавливал.

Закатив глаза, я кое как кивнула. Информация о маме несколько отвлекла меня от раздражения. Значит, она отдыхает... Я разочарована, но не удивлена, более того, я рада,

что не было никакой грызни за Артема. Хотя куда теперь получается, я вернусь после больницы?

Вообще, в перечне вопросов, которые стоило бы задать себе, было еще много пунктов, но я не хотела их даже формулировать, не то, что отвечать на них. Очень вовремя захотелось спать.

Глава 7

Странный звук выдернул меня из мутного как кисель сна. Разлепив глаза, я обнаружила все тот же, изученный мной до мельчайших деталей потолок. Плоский плафон люстры спал, отражая бледный свет настольной лампы у окна, к нему я скосила глаза.

Небольшой квадратный стол на самом краю палаты, был местом, где в вазе обновлялись букеты, за ними стояла лампа, а на свободном пяточке обычно пристраивалась кружка Влада и его толстый, потрепанный жизнью блокнот с карандашом между страниц. Почему-то ручки он терял, а карандаши, как к блокноту прилипли, один да найдется.

У него при себе всегда был ежедневник, и иногда от нечего делать, я в нем рисовала. В художку я не ходила, потому рисовать особо не умела, но от мамы знала, что папа неплохо рисовал, но она меня в спорт отдала, художественной школы рядом с домом не было. Влад разрешал мне рисовать там свои нелепые каракули и никак это не комментировал. Я сначала пыталась стереть рисунки, но потом махнула рукой.

Рядом со столом стояла кушетка. Обычная больничная кушетка, традиционно застеленная клеенкой, но на этой ее не было. Вместо нее простыня и тонкая, почти прозрачная подушка. Раз простынь еще на кушетке, значит, Влад где-то тут. Уходя, он словно солдат складывал белье, на котором

спал тоненькой стопкой, которую не трогали санитарки.

За кушеткой стекло для узкой комнаты дежурного врача, а за ним стекло в другую реанимационную палату. Интересно, кто там. Медсестры на месте не было или она дремала за столом, не знаю. Если скосить глаза вбок, будет большое окно, за пределами которого я мечтала оказаться каждый день.

Наверняка там где-то рядом с больницей ходят люди по своим делам и переживают о своих проблемах. Заходят в магазины, наступают в лужи, спешат домой или на работу, толкаются в маршрутках. Я была совсем рядом с ними, но между нами была пропасть.

За окном еще было темно. Я все, никак не могла понять какое сейчас время года. Предположительно осень, но у меня было стойкое ощущение, что я снова в том бесконечном дне сурка, в котором застряла в лесу, пока там не наступила весна. Там даже зимы настоящей не было, только муторная, унылая осень. Все словно по новой, я снова застряла в этой бесконечной осени. Небо всю дорогу было затянуто серой мглой, если бы не сажающиеся на подоконник вороны, там бы совершенно не на что было посмотреть.

Тихий звук, разбудивший меня, снова привлек мое внимание. Я скосила глаза вниз и обнаружила отжимающегося Влада на полу. Золотая цепочка с крестиком касалась пола, а тонкая белая майка облегла крепкий торс, открывая сильные, перевитые мышцами как канатами руки. Даже тут он себе не изменял. Все такой же дисциплинированный.

Когда он злился на меня или чем-то был расстроен, он мог отжиматься по пол часа, если не больше. Незадолго до того, как я от него сбежала, он побил свой рекорд по отжиманиям. Стало немного смешно, но почти сразу грустно. Стоило бы вернуться к тому на чем мы закончили наши отношения, но я не хотела об этом думать. К этому же ко всему теперь неизбежно прилипало то, что было в лесу.

Я словно бы отчитывалась перед кем-то, словно с меня кто-то спросит за то, какие у нас были отношения и кто в этом виноват. Тут, конечно, и думать нечего, он, конечно, виноват. Не я же, в конце концов. Я человек добрый и хороший, пока меня не злит никто.

Смех смехом, а мысли как назойливые мухи ползли туда, где я не хотела находиться, в воспоминания о том как мы разошлись и почему. Самое неприятное, что я найду миллион причин, почему я сбежала от этого паршивца, но ни одной не было действительно веской. Мы дрались, оскорбляли друг друга, он как-то даже пытался запереть меня в квартире, я разбила стекло и вылезла в окно, перечень заслуг мог уместиться в небольшой сборник рассказов, но за всеми этими словами стояли причины, на самом деле не зависящие от Влада.

Я всегда это знала, но никогда не признавалась себе в этом честно. Даже в лесу мне не хотелось признаваться в этом себе. Я думала о чем угодно, только не об этом, но когда я напала на того мужика, когда, наконец, призналась и согласи-

лась с тем, что прошлое Влады — это мое прошлое и сама Влада, ее бесящий, раздражающий меня колкий голос, мой собственный, врать себе стало в разы сложнее.

Теперь моему голосу не обязательно было быть внешним, чтобы я, наконец, услышала сама себя. Влад всегда был говнюком, но в отличие от меня, никогда не был лживым трусом. Его ошибка была в том, что он отвечивал и мне и маме жестокие пощечины правдой, хотя, возможно, это был его осознанный выбор, и при этом, он не был готов к тому, что у этой правды будут последствия.

На протяжении всех наших отношений, пока мы были вместе, он пытался достучаться до меня и заставить выбрать, между ним и мамой, хотя это даже не он поставил этот вопрос ребром. Логично было бы выбрать его. Разве не каждой твари по паре? Но на этот простой вопрос у мамы был простой ответ: «Только не его!» и тысяча аргументов, почему не его.

Тысяча аргументов, как длинный забор из штакетника, за которым была лишь одна причина: ее бесхребетная дочь, уплывала в чужие руки. Маме нужен был кто-то наподобие тех, кого она мне предлагала, но они вызывали у меня жалость и брезгливость. Ими было бы очень просто помыкать, но я не планировала никого усыновлять.

Да даже если бы я совсем чокнулась и действительно попыталась с кем-то из них сойтись, стоило представить лицо Влада, когда он подъехал бы на своей этой девятке черной и

посмотрел бы на меня с моим новым женишком, он бы смеялся долго и громко, а потом отпинал бы маминого избранника и на этом все бы закончилось. Мама как будто не понимала, что ждет всех тех, с кем она пыталась меня познакомиться.

Как-то раз, она пыталась свести меня с сыном своей старшей подруги. Ради этого дела разработала просто невероятную миссию, придумала легенду, почему мы туда должны поехать и почему Влад нас не может отвести. В общем, я как-то отвязалась от Влада, и мы приехали на дряхлой электричке в этот чудный пригород, где на втором этаже трехэтажного дома, меня ждал идеальный кандидат.

Зайдя в эту отполированную до истеричной стерильности квартиру, я почти сразу захотела из нее выйти, но предстояло отыграть спектакль вежливости, чтобы мама не обижалась и потом откланявшись, распрощаться. Стоит сказать, кандидат в мои мужья, оказался действительно отличный парень. Умный, образованный, играл на фортепьяно, неплох собой, но понятно, что такой же мамин сын, как я мамина дочь, две тряпки на один квадратный метр, это было уже слишком.

Честно говоря, это была бы неплохая партия, хотя бы, потому что наши матери от нас отстали бы, судя потому, что я видела, его мать его тоже достала, и это было видно по глазам несчастного, который обрадовался, увидев меня. Наверное, боялся, что ему какое-то чучело огородное приведут и

заставят жениться.

Весь ужин эти две престарелые дамы нахваливали своих детей. Я от своей мамы столько комплиментов в свой адрес за всю жизнь не слышала, сколько там за столом услышала. О некоторых своих положительных качествах я даже не знала. Это было так нелепо и смешно, что мы с этим Пашей стали переглядываться, улыбаясь.

Все было мирно и чудесно, но я знала, что у этой прекрасной идиллии не будет хеппи-энда, но чего я не знала, так это того, что развязка наступит тем же вечером, когда за окном послышится громкий хит Руки Верх «Крошка моя». Чья-то машина с играющими вовсю колонками приближалась к нашему дому и в отличие, от присутствующих, я к своему ужасу, почему-то сразу поняла кто это и молилась, чтобы моя догадка оказалась ошибкой. Увы.

Я не знала, как он узнал, но я, черт возьми, знала, что это этот черт приехал. Мама мне кажется, тоже почувствовала, но не могла поверить и смотрела на меня огромными глазами. Машина, судя по звукам, подъехала к дому и припарковалась. Послышался хлопок дверью и голос Влада.

- Любимая! Ты где?! – Завопил этот псих.

Я вскочила, чтобы подбежать к окну и попросить его не кричать, выключить музыку, но стоило мне подойти к окну и отодвинуть шторку, как мама дернула меня назад, вцепилась в лицо, и в шоке оттого, что она это сделала при других, я застыла. Мама материлась и, захлебываясь в словах, жало-

валась подружке, что это «тот самый», что от ее дочери не отстает.

Пока я грела руку от горячей щеки, гостеприимные хозяева вместе с моей мамой разрабатывали план обороны от заявившегося наглеца, меня даже затолкнули в обклеенную постерами комнату малахольного жениха. При виде его кровати меня затошнило. Я бы не зашла, но я, честно говоря, была в таком шоке вообще со всех, что зашла в комнату, где меня закрыли. У взрослого парня на двери была щеколда снаружи. Его мама, что ли, запирает и на дискотеку не пускает? Стало еще противнее.

Они думали, он будет ломиться в дверь или орать под окнами, но просчитались, этот сумасшедший по газовой трубе залез в окно и когда они его отказались открывать, разбил стекло. Послышалось многоголосье истошного визга. Надеюсь, это хоть не хозяин комнаты, в которой я грела уши, визжал. У меня в голове из мыслей только перечисление ненормативной лексики осталось.

- Ой, Людмила Петровна, а что это вы тут? Чаевничаете, что ли? – Пропел этот псих ненормальный, забравшись на кухню. На улице продолжали петь руки вверх, на этот раз был трек «Восемнадцать мне уже» – А меня чего не позвали? Я бы вам пирожков привез.

Меня всю трясло, при этом мне было смешно, нервный смех вырывался сквозь прикрытый ладонью рот. Я попыталась открыть дверь, чтобы помочь как-то разрешиться кон-

фликтной ситуации без серьезных потерь, но дверь, как и прежде, была закрыта.

Видимо, присутствующие немного отошли от первоначального шока и опомнившись, перешли на визг, с воплями помощи к соседям, чтобы те вызывали полицию. Только вот очередной вечер в полиции мне проводить не хотелось, благодаря Владу, который ввязывался в драки, я там уже ни раз побывала. Никакой романтики, надо сказать.

Послышался голос несостоявшегося жениха, который попытался вступиться благородно за женщин, закончилось это предсказуемо печально. Вопли стали чуть тише. Судя по хрусту стекла по полу, я поняла, что Влад идет в мою сторону.

- Где моя жена? – Спросил этот...
- Какая еще жена?! – Завопила мама.
- Будущая. – Прокомментировал Влад, дергая за мою дверь.

Сквозь возмущенные крики моей мамы, послышался щелчок щеколды, и дверь открылась.

- Как всек бы тебе. – Шыкнул Влад, зло смотря на меня.
- Я размахнулась и влепила ему по лицу. Мама резко умолкла, положив свою пухлую ладошку на грудь. Не знаю, кричали ли остальные, но в квартире наступила тишина. Запястье заболело. Этот, получив по лицу, медленно обернувшись, раздувая ноздри от гнева. У руки вверх заиграл студент. Так как театральная пауза затягивалась, я толкнула Влада

в грудь, чтобы не загораживал дорогу. Тот отступил, пропуская меня.

- Саша... - Позвала мама предобморочным голосом, собираясь, видимо, разыграть карту сердечного приступа.

- Что?! – Рывкнула визгливо я. – Я тебе говорила! Просила тебя!

В общем, не было смысла, что-то ей выговаривать, поэтому я просто пошла на выход, Влад шел вслед за мной. Подхватив свои сандалии, я не успела их надеть, потому что Влад подхватил меня на руки и, забросив на плечо, открыл обитую дерматином дверь.

- Тогда сегодня без пирожков. – Развернулся он, все же, попрощаться со мной на руках. – А так хотелось посидеть, поболтать, да Павлик? - Павлик не ответил. - Ну, целую крепко, ваша репка!

Немного развернувшись на его руках, я сама захлопнула дверь, заканчивая этот спектакль. Пока он спускался по ступенькам со мной на руках, мы оба молчали, потому что и он, и я были в крайней степени бешенства, в такие моменты лучше было обоим молчать, потому что я в припадке ярости контролировала себя еще хуже, чем Влад.

На улице у машины уже начали собираться местные, но Влад приехал не один, с ним еще Сашка был, хорошо без Витьки, этого придурка-шутника я особенно терпеть не могла, за то, что тот дюже любил выпендриваться тем, сколько у него девчонок, еще и Владу предлагал «нормальную» найти.

Жаль, недолго, ему жизнь отвела за девчонками увиваться.

Когда мы вышли, Сашка уже стоял в окружении троих ребят, которые, вероятно, спрашивали, что им тут надо было. Влад поставил меня на землю и пошел вести светские беседы. Так как меня уже это все перестало удивлять, я просто залезла на заднее сиденье машины, и ждала, когда закончится драка. К счастью, управились до того, как приехала милиция.

Глава 8

Я проснулась от тихой перебранки за стеклом наблюдательного пункта медсестры. За окном впервые за долгое время светило солнце и, увидев затопившие палату лучи, я ненадолго отвлеклась от доносящихся до меня звуков, но они все же вернули мое внимание.

- Марина Романовна хороший специалист!

- Сколько ей лет? - Влад стоял ко мне спиной и, уперев руки в боки с кем-то, спорил. – Когда она институт закончила? Вчера?

Я нажала на кнопку вызова врача, чтобы прервать эту перебранку. Инцидент случился два дня назад. Весь день я была в состоянии грозовой тучи, даже без усилий со стороны Влада. Прошло уже несколько недель, а я продолжала ово-щем валяться на кровати. Да, были небольшие успехи, я уже чуть лучше двигала руками, могла их на живот положить и голову повернуть, даже колени немного согнуть, приложив для этого невероятные просто усилия, но это, очевидно, капля в море. Я до сих пор не могла оторвать голову от подушки, могла только приподнять на секунду и снова ее уронить, и вчера из-за этого меня накрыл очередной приступ бешенства.

Я все яснее осознавала, что не встану в ближайшее время с этой опостылевшей мне койки. Сковывающий ужас мо-

его положения поднимался по моим внутренностям, из живота вверх, к груди, цепляясь за внутренние органы ледяными руками. Вероятно, в кровь выбрасывался адреналин, потому что у меня откуда-то появлялись силы на глупости и я начинала пытаться встать, сесть, перевернуться, хоть что-то сделать, но, конечно, ничего не получалось, отчего я горела все сильнее.

Прибегали врачи, общались со мной, как с душевнобольной, просили не торопиться и т. д. Будто я без них не знала, но я просто не могла... все никак не могла поверить, что до сих пор не могу встать. Не могу даже голову держать и говорить не могу, и руками шевелить нормально. Что даже дышать сама устаю. Что в туалет я сама не хожу, что этим всем вынуждены заниматься медсестры, меня это просто уничтожало. Стоило подумать об этом и лицо нагревалось как сковорода.

Мне хотелось уйти отсюда. Из своего собственного тела. Лучше быть вороной и драться с белкой за гнездо, чем вот это вот все. Меня затапливала черная как мазут злоба, на себя, на тело, на мир, на Бога и судьбу, на древо, на врачей, которые не были ни в чем виноваты, просто, черт возьми, когда я уже выберусь из прямой кишки и ее заднего отверстия, а не продолжу эту бесконечную экскурсию по анналам бездонной задницы своего существования?!

В общем, я была в крайней степени бешенства по своей собственной инициативе. Пришла моя чудесная физиотера-

певт, благодаря которой я узнавала больничные сплетни и мы начали занятия. Она все делала замечательно! Просто, какой бы ни была она осторожной, после комы в девять месяцев, мне все равно было больно. Все суставы и мышцы болели, но это была ерунда, я готова была терпеть, но не вовремя появился этот Сеньор Помидор, как раз когда мы делали упражнение на ногах, в момент, когда врач, сгибала мне ногу в колене и я прослезилась. Даже не из-за этого колена! Я просто злая была и расстроенная!

Врач тут ни при чём, но Влад, конечно, понял все не так и прицепился к моему врачу, что она делает, почему я плачу, а я уже не плакала, я уже была вся красная от злости, он решил, что у меня температура и мне душно, начал упрекать врача, что она не заметила, что мне душно. Если бы задница, могла полахать, в больнице был бы уже пожар.

В любом случае, даже если бы я не прослезилась, он бы нашел до чего докопаться, потому что врач до пятидесяти для него интерн. С самого начала терапии как только он увидел моего молодого физиотерапевта, то лицо у него стало, будто он кашку съел, а в тот день, он позадавал свои вопросы дурацкие и ушел. Скорее всего, делать мозги тем, кто может с ним разговаривать, в отличие от меня.

Вечером приходил мой лечащий врач, уточнял у меня нравится ли мне Марина Романовна и нет ли каких-то нареканий, у меня было одно нарекание, но оно касалось не Марины Романовны, а Владислава Придурковича, хотелось бы,

чтобы его не пускали в мою палату, но так как азбуку Морзе ни я, ни врач еще не освоили, пришлось отвечать только на заданные вопросы.

Правильно считав мои сигналы, врач меня понял, вздохнул и ушел, Марина Романовна приуныла, а мне очень хотелось ее приободрить, потому что бояться человека, который бежал ночью в трусах за машиной не стоит. Если бы я могла разговаривать, я бы ей точно эту историю поведала, чтобы она разнесла ее по всей больнице.

Мы с Владом в очередной раз поругались, это случилось через год после того, как я въехала на машине в канаву. Мы поехали на рыбалку. Он рыбачил, я отбивалась от комаров и пыталась нарезать салат. Ехать я никуда не хотела, тем более на рыбалку, но он меня туда просто приволок, как всегда. В его голове, видимо, не укладывалось, что не все получают истинное удовольствие, сидя с палочкой у реки.

Я уже даже не помню, из-за чего мы поругались, помню только, что пока он переодевался возле машины, мы ругались. Разозлившись, я запрыгнула в машину и уехала. Когда я увидела, что он за мной бежит, я немного сбросила скорость. Вероятно, после того случая с оврагом он решил, что лучше бежать за мной иначе я еще один овраг найду.

Он бежал рядом и матерился, я немножко притормаживала, чтобы комментировать ему его реплики, в итоге он смеялся, матерился и угрожал, продолжая за мной бежать.

- Любимая, самая лучшая, умная, красивая, остановись,

пожалуйста. — Учила я его через приоткрытую форточку, как он должен ко мне обращаться, чтобы я остановилась.

- Любимая...я ща тебя...догоню... - Задыхаясь, отвечал он. — И жопа у тебя загорится.

- Ну, тогда беги дальше.

Мимо нас проехала машина с косящимися на нас пассажирами. Я включила на его магнитоле «Руки Верх». Жальтату не было, я бы не поленилась, нашла бы ради такого дела «нас не догонят».

— Вот даже музыкальное сопровождение тебе включу. Под музыку оно веселее, правда?

Чтобы еще веселее было, я подпевала.

- Саша (*нецензурная лексика*)!

- Я не (*нецензурная лексика*), я умная, в отличие от некоторых у меня так-то красный диплом, а еще красивая и добрая. Сжалилась вот над тобой будущим уголовником. — Я театрально вздохнула. — Ты несколько слов запомнить не можешь, еще что-то про меня говоришь.

Он качал головой и бежал уже где-то рядом с топливным баком. На пассажирском сиденье обнаружилась бутылка минералки. Я ее взяла и протянула ему через окно.

- Водички тебе дать попить?

Пусть еще потом мне скажет, что я незаботливая.

- Ремень мне лучше мой сразу достань. — Задыхаясь, продолжал он мне угрожать.

- Зачем тебе ремень, если у тебя штанов нет?

- Главное у меня мозги есть, в отличие от некоторых.

- Что-то незаметно.

Он потерял один свой тапок пластмассовый, в котором бежал и остановился. Я тоже притормозила, метрах в двадцати от него. Он решил, видимо, взять меня на слабо и пошел обратно к речке. Думал я за ним поеду, а я за мамой поехала. Забрала ее из дома, сказав, что Влад ее на ночную рыбалку пригласил. Мама ехать не хотела, я еще какое-то время ее уговаривала, что некрасиво, он там для нее сюрприз готовил, палатку уже разбил, а она не хочет ехать, в общем, наплела с три короба, и она согласилась.

Когда мы приехали, этот одинокий отшельник уже одетый, брел вдоль дороги. Я остановилась и приспустила окошко.

- Молодой человек, вас подвести? – Уточнила я у него.

- Да пошла ты в... - Влад запнулся, заметив маму на пассажирском сиденье. - Здравствуйте, Людмила Петровна.

- Здравствуй, Владислав. – Мама это таким голосом сказала, словно ее визит это одолжение не только ему, но и всем его предкам вплоть до динозавров. – Саша сказала, ты меня на рыбалку пригласил... – Мама, вероятно, начинала догадываться, что человек, идущий вдоль дороги с палаткой в руках, явно не тот, кто готовит для нее какой-то сюрприз.

Судя по лицу, Влад явно боролся с противоположными чувствами. Покачав головой и шумно выдохнув, он открыл дверь и сел на заднее сиденье. Пока я ждала маму, которая

собиралась, я заскочила в круглосуточный магазин у дома и решила там тяжелейшую дилемму, что выбрать, подходящий по срокам шашлык или сосиски. Взяла шашлык. Если у всех скрутит живот, ругаться будет некогда. К ним еще взяла печеньки и киндер.

- Там в пакете подарок тебе. Рядом с шашлыком и печеньками.

Влад, прищурившись, посмотрел мне в глаза через зеркало заднего видения, но, не удержавшись, залез в пакет. Достал оттуда киндер и снова посмотрел на меня.

- Твой любимый. – Прокомментировала я. Влад киндеры не ел, но постоянно смотрел на них в магазине.

Под шелест киндера мы доехали до нужного места и провели ночь у реки, пытаясь драться так, чтобы мама не заметила. Я пропустила два подсрачника, но один раз цапнула его за бок. Он взвизгнул как девчонка. Мама все это время подозрительно на нас косившаяся, наелась шашлыка и завалилась спать в палатке, мы же закутавшись в одно одеяло, грели ноги у догорающего костра до рассвета и ругались шёпотом. Потом обсуждали новую Санину любовь и перспективы новой пары. Вердикт был неутешительный, ничего у них не получится. Как только угли дотлели, ушли спать в машину.

- Я понял, что такое любовь. – Прокомментировал Влад после того, как я едва не продырявила его своими локтями, в поисках удобной позы для сна на заднем сиденье вместе, наконец ее нашла.

- Да? – Я потерлась носом о его футболку с египетской пирамидкой и маленькой дыркой у подмышки. - И что же это?

- Полное бессилие.

Девять
жизней
до рассвета

Глава 9

- Бабушка! Бабушка приехала! – Вопили голосистые рыжеволосые мальчишки, обступившие выехавшую из леса старую клячу.

- Шож вы так орёте-то? – Ворчала сидящая на лошади старуха. За ее сгорбленной маленькой спиной высились набитые доверху тюки.

На пороги стоящего у границы леса дома, вышел высокий черноволосый мужчина в плотном кожаном фартуке. Увидев гостью, он снял рукавицы и фартук, бросил на перила и пошел встречать.

- Мабушка. – Позвал он, и недовольное лицо старухи немного посветлело.

- Четвертый десяток разменял, и все мабушкой зовет. – Буркнула та внешне недовольно, но видно было, такое обращение ей нравилось.

Мужчина подошел к лошади и подхватив маленькую старушку на руки, снял ту с лошади и на руках, как ребенка понес в дом.

- Поставь меня. Сама дойду!

- Трава мокрая. Только дождь прошел. – Он повернулся к сыновьям и махнул на лошадь. – Заведите в стойло.

Самый старший из босоногой оравы подхватил лошадь за узду и повел к небольшой пристройке у дома, где лениво же-

вала траву пятнистая корова.

- Молодой, а волос уже посеребрился... - Пробормотала старуха, погладив мужчину по собранным в короткий хвост черным волосам. – Это все из-за печати...

Они зашли в дом, где пахло травами и теплым ужином. У печи стояла хорошенькая рыжая женщина, похожая как две капли воды, на вопящих за окном детей. Судя по округлившемуся животу, та была снова беременна.

- Опять на сносях. – Пробормотала старуха, спускаясь с рук мужчины. – Вы решили свою деревню отродить?

Супруги переглянулись, но комментировать эту ворчливую реплику никак не стали. Пришли дети, принесли снятые с лошади тюки, и после ужина, старуха принялась раздавать всем гостинцы. Больше всех досталось отцу семейства, который явно у нее был в любимчиках.

- Что они у вас все орут как ненормальные? – Болтая в бокале горячее вино, спросила старуха, сидящую рядом женщину. Та неловко улыбнулась и качнула люльку, в которой спал ребенок, для которого та явно давно была мала. То была исключительно детская прихоть, спать в подвешенной на веревке люльке, но родители не отказали.

Голос мужа доносился из-за печи, где он укладывал шестилетних детей спать, жена его явно ждала с нетерпением, ерзая под колючим взглядом старухи, без стеснения смотревшей на нее.

- Что-то ты даже безобразная стала, с этой беременно-

стью. Никак девку носишь...

- Помощницу. – Слабо улыбнулась женщина, берясь за спицы с вязанием. Судя по свисающим из люльки детским ножкам, ребенок заснул.

- Помощницу... - Ворча, старуха запустила короткую руку в висящий на поясе мешок и вытащила из него камни, бросила их на стол. – Как бы ты ворону не родила...будет тебе помощница, не будешь знать, куда от этой помощи деться... - Она качала головой, цикала себе под нос и снова собирая камни, бросала их на стол.

Вернулся из-за печи муж, скосил глаза на камни и клюнув жену поцелуем в лоб, сел рядом с ней, допивая остатки из своего железного кубка и смотря на камни, то, что он видел, ему, тоже, не нравилось. Старуха подняла на него тяжелый взгляд. Он отвел глаза. Сидящая между ними женщина тревожно переводила глаза с гостьи на мужа. Оба молчали.

Наконец, вино было допито, из детских тарелок подмели остатки еды, клюющая носом жена отведена в постель. Осталась у огня печи только старуха и хмурый как туча, мужчина.

- Он захватил медвежью печать. – Сказала она негромко.

Мужчина резко обернулся, выпрямляясь и смотря на нее округлившимися глазами. Рот приоткрылся, словно он собирался, что-то сказать, но так и не решился, глаза ненадолго стали стеклянными, он медленно повернулся, уставившись в огонь, заплывавший в его черных глазах.

- Уже седьмая печать у него... - Пробормотал он еле

слышно. — Как же он...

- Зимой. — Пояснила старуха. — Зверь в спячку лег, люди не справились.

Они еще долго сидели молча, смотря на огонь, а потом старуха вздохнула и сползла с высокого стула.

- Нам пора.

- Нет. — Он покачал головой. — Печать держится.

Она вздохнула.

- Посмотри на своих детей, что с ними будет, когда вороны вас найдут?

Шурша одеждой, старуха вышла из дома.

- Эрдэнэ — Тихо позвала жена. Мужчина подошел к занавеске, за которой стояла кровать и, отодвинув ту в сторону, посмотрел на укрытую волчьей шкурой жену.

- Не ходи с ней. — Тихо попросила жена.

Мужчина покачал головой, отводя взгляд, а потом снова посмотрел на нее. Хрупкая, с большим животом и медными, как метал волосами, уставшими, заполненными тревогой глазами. Опустившись на одно колено, он взял ее узкую ладонь с тонкими пальцами в свою и поцеловал в запястье, а потом прижал ладонь к своей колючей теплой щеке согревая.

- Не ходи! — Снова попросила она, когда он поднялся. — Не ходи!

- Спи. — Укрыв ее ноги еще одной шкурой, он рывком задвинул штору.

В полной тишине они мчались сквозь черный, как сама

ночь лес. Где-то вдали выли волки, ухал филин, скрипели деревья. Они мчались, пока, наконец, он не увидел среди деревьев просвет.

- Куда ты? – Спросила старуха. – Там самая темень.

- Туда нам и надо.

Она не увидела озеро и древо, пока он не вывел ее к нему. Все такое же, как и десять и двадцать и, вероятно, тысячу лет назад древо, стояло на своем месте, воды только стало больше. Старуха, как оказалась на земле, подбежала к воде и упала на колени, лбом вжимаясь в землю и что-то бормоча. Он прошел мимо нее и плюхнулся на влажный песок, расстегивая на своей рубашке завязки и стягивая ту с плеч.

На широкой груди, сквозь курчавые волосы проступал бледный, почти выцветший, но еще заметный рисунок, запертой в клетке вороны. Сквозь птичье тело проходила стрела. Старуха закончила свои молитвы, тяжело поднялась и стряхнула со лба песок. Достав из тюка на лошади фляжку, набрала в нее воды, взболтала, добавила туда из нескольких мешочков каких-то трав и снова взболтала. Закрутила крышку и швырнула мужчине.

- Ты знаешь, что делать.

Широкие плечи сотрясала мелкая дрожь, а грудь теснил застывший в ней воздух. Стерев тыльной стороной ладони пот со лба, он поднес серебристую флягу к губам и замер на несколько мгновений, но потом сделал глоток. Вылил часть воды на ладонь и умыл лицо. Его затрясло чуть сильнее. Пока

старуха выдира́ла из озера камыш, он набирал в ладонь воды и тер ею грудь, с каждой минутой все быстрее и злее, пока рисунок на груди не начал понемногу исчезать.

Подошла старуха, с мочалкой из зарослей и вложила ее ему в руку, он принялся ею сильней растирать грудь, та уже горела. Под его шумное, загнанное, словно он бежал, дыхание, старуха шептала старые слова, раскачиваясь рядом с ним на коленях и сжимая в руках короткий ножечек с костяной рукояткой.

Когда рисунок на груди стал едва заметным, из глубины леса послышался вороний крик. Он приближался и нарастал, словно проснувшаяся среди ночи воронья стая с диким криком мчалась в их сторону.

Зашумел потревоженный лес, зашевелил мохнатыми еловыми лапами. Лунный лик в озере подернуло рябью, вырвавшаяся из леса тьма затянула небо, разрывая его в клочья своим ликованием.

Словно пьяный Эрдэнэ упал на песок и с широкой улыбкой смотрел в небо, где метались птицы. Из темных глаз бежали слезы. Три дня и три ночи провели они у озера, вокруг которого выли проклятые волки, но подойти к нему не могли, пока на третью ночь не пришло время прощаться.

- Я не могу... - Качая головой, шептал Эрдэне, помолодевший за эти три дня на десяток лет. – Я не смогу.

- Ты должен.

- Я останусь здесь...с ними. Он сюда не сунется. – Про-

должал он бормотать словно в беспамятстве.

- Вспомни о детях своих. Вспомни о жене. Она на сносях.
– Шептала ему старуха. – Она ворону носит. Она эти роды может не пережить. Ты должен быть там. С ней.

Испуг в глазах разогнал хмель. Эрдэнэ посмотрел на старуху.

- У нее не ворона!

- Ворона, ворона. – Старуха с досадой покачала головой и закрыла устало глаза. – Воронья девица, кабы, не мать твоя. Так, нам худо придется, черт проклятый...зверь этот, если это она, он ее из, под земли достанет. – Она закрыла рот крошечной ладошкой, сжимая усеянные кольцами пальцы на лице и запирая слова. В усталых глазах заблестели слезы.

Эрдене отвел испуганный взгляд от старухи и, выйдя из воды, опустился на берег. Какое-то время они сидели молча, рядом бегали вороны, периодически прижимаясь к нему и зарываясь клювами в черные волосы, перебирая там что-то, а потом одну из них поймала старуха и над его грудью свернула шею.

Раненым зверем выл он под крик ворон, пока старуха рисовала на сердце клетку и птицу в ней. Черная печать стала ярче, чем была, а в черных волосах прибавилось седины. Ледяной ужас поднимался от груди к макушке и вязким мертвым холодом сковывал бьющееся в конвульсиях тело.

Распахнув глаза, я захрипела.

- Саша! – Влад подскочил ко мне, хватая за плечи. – Эй!

Эй! Ты чего?!

Я слышала его, но перед глазами пеленой продолжал стоять образ растянувшегося на песке мужчины, бьющегося в конвульсиях и зовущего...кого он звал... образ его удалялся и таял, но его боль, его чувства, остались во мне. Ненависть и боль, чудовищное чувство потери. Они затопили меня словно мертвая вода.

Глава 10

Тонкие лучики бледного света проступали сквозь закрытые жалюзи. Двигать глазами было больно, приоткрыв ненадолго веки, я их снова закрыла. В голове ртутью катался раскаленный металл, но если не шевелиться и осторожно дышать, то, как будто бы было легче.

Вчерашний день стал продолжением кошмара, от которого я проснулась. Ощущение ужаса и потери взорвалось в голове резкой болью. Прежде чем я успела понять, что происходит, Влад закричал, зовя врача. По губам побежало что-то теплое и, как только я это слизнула, привкус метала, ударил по рецепторам. Меня затошнило.

Даже вспоминать об этом было больно. У меня подскочило давление и все тело затряслось. Теперь я выбирала, о чем мне думать так, чтобы мою хлипкую шлюпку, снова не бросило в шторм.

Не знаю, сколько раз я уже просыпалась и просыпалась ли, но как будто бы Влад со мной о чем-то разговаривал, но я никак не могла понять смысл, того, что он говорил, и от его голоса, от света в палате было больно, поэтому я старалась снова заснуть.

Сегодня шторы задвинули, и, едва приподняв веки, я скользила глазами по палате, стараясь не спровоцировать очередной приступ боли. Врач зашла в палату, и я закрыла

глаза. Не хотелось ни с кем говорить.

Вероятно, я снова заснула, и к следующему своему пробуждению, было как будто бы чуть легче. Голова болела, но не так сильно. Проснувшись, я еще долго вслушивалась в звуки палаты, пытаюсь определить, тут ли Влад или нет, от этого зависело буду я дальше прикидываться спящей или нет, но в палате стояла обнадеживающая тишина.

Я старалась не думать о том, что увидела во сне, но мысли, словно гвозди к магниту тянулись к черноволосому мужчине и его рыжим детям. У меня не было справки из роддома, подтверждавшей, что это мой сын, но во всей этой абсурдной ситуации мне она была и не нужна, я просто это знала. Знала, что Эрдэнэ мой сын. Я даже знала, что означает его имя, потому что сама дала его ему. Драгоценный.

Эрдэнэ, значит, драгоценный. Мой драгоценный мальчик. Такой красивый. Каким же красивым мужчиной он стал, каким сильным и добрым. Я старалась не думать о нем, отвлечься, но это было просто невозможно, как невозможно не скатиться по заледенелой горке, если ты оказался на ее вершине. Неизбежно мысли возвращались к нему.

А лицо какое у него, какие глаза... Он был совсем не похож на Редаргара. Только разве что комплекцией пошел явно не в ворон. Вороны высокие, даже долговязые, не хилые, нет, сильные, жилистые, но Редаргар был другим... Крепким, широкоплечим, ловким и сильным. Эрдэнэ взял лучшее от нас двоих. Он один стоил той чудовищной ошибки, которую

я совершила, согласившись на брак с его отцом.

Я множество раз жалела о том, что согласилась на тот брак, что не настояла на своем, испугавшись собственных фантазий, но один взгляд на собственного ребенка делал эту ошибку ненапрасной. Он был прекрасен. Мой ребенок. Я не могла перестать перебирать воспоминания о нем, перестать восхищаться им. А его дети...боже, это же мои внуки...такие хорошенькие!

В горле упрямо собирался ком и несмотря на то, что я, как могла, старалась не думать о тех последних минутах на берегу озера, я все равно неизбежно возвращалась к ним. Ярость, к которой я была не готова, на которую у меня не было сил, поднимала голову из адских глубин. Снова начинала болеть голова.

Я плясала с погремушками перед собственным зубастым демоном, чтобы отвлечь его, но, черт возьми, я просто не могла не думать, из-за кого, в конце концов, так мучился и страдал мой ребенок! Его вой гулом стоял в моих ушах, натягивая жилы в теле как канаты.

Кулаки начали сжиматься сами собой, и в этот момент я почувствовала под собственной рукой чье-то лицо. Скосив глаза, я обнаружила спящего Влада, моя ладонь лежала на его лице. Он иногда делал так, когда я сплю, да даже и не сплю, просто клал мою руку на свое лицо и спал у моей кровати. Это было так мило...если бы только я не была в бешенстве.

Медленно пар в закипающем чайнике начинал приподнимать крышку. Это этот гад! Чертов черт! Этот демон проклятый заставил моего ребенка пройти через ад! И если бы я только могла, размахнуться и вlepить ему по лицу, вцепиться ему в волосы, я бы тотчас, не стесняясь, сделала бы это! И неважно, понимает он, за что или нет!

Ну, а что если все эти сны, это просто сны? Просто видения... гарантий ведь нет? Ну а я просто сумасшедшая и все?! На девяносто девять процентов я была уверена, что все это было, но этот один процент... опять же я, наверное, тоже виновата, частично я тоже виновата в том, что произошло, но я ведь не знала, какой он говнюк злобный! Что не угомонится, пока всем вокруг вместе с ним не будет плохо! Эта скотина!

Злость придала мне сил, я умудрилась поднять руку и, размахнувшись, насколько это вообще было возможно в моем положении, вlepила ему по лицу. Влад дернулся и приподнял голову. Пока он не очнулся и были еще силы, я, несмотря на боль от удара в руке и мелкую дрожь, снова подняла руку и в этот раз, сжав ее в кулак, треснула ему прямо по его полной сонного недоумения физиономии.

В третий раз, на который я готовилась израсходовать остатки сил, он перехватил меня за запястье, смотря на меня так, словно у меня на лице третье ухо между глаз вылезло.

- Ты что... дерешься? – Хриплым со сна голосом уточнил он.

Я попыталась забрать у него свою руку, но ничего не вы-

шло.

- Бесноватое чудовище... - На его удивленном лице расползлась улыбка. – Что я тебе сделал, пока спал?

Пока спал! Спал он! Я снова попыталась выдрать у него свою руку, но сил уже не было никаких и, конечно, как по закону подлости, от полного бессилия или от злости, я не знаю, как это во мне все устроено, снова захотелось плакать. Я попыталась саккумулировать оставшиеся силы, на то, чтобы сдержаться и снова не устроить тут мелодраму, но ничего не выходило, до тех пор пока Влад не шлепнул себя по лицу моей рукой.

Удар, конечно, был не сильный, но плакать не то чтобы расхотелось, я просто очень удивилась. Он, вероятно, считав мою реакцию, снова шлепнул себя моей рукой.

- Ну что? – Уточнил он, вскинув бровь. – Так полегче тебе или еще разок?

На третьем разке я обнаружила стоящую в дверях медсестру, подозрительно наблюдающую самоизбиение Влада моей рукой. Заметив ее, Влад, конечно, не упустил возможности на меня пожаловаться.

- Здравсьте! Как ваши дела? – Уточнил он, продолжая держать меня за руку.

- Доброе утро. – Медсестра, косясь на Влада, зашла в палату. – Все хорошо, а у вас?

- У меня тоже все замечательно! Проснулся вот, оттого, что меня бьют!

И оба они посмотрели на меня. Медсестра стояла с правой стороны кровати, а Влад сидел слева. Сидел бы он справа, я бы ему сильнее треснула. Не желая давать, какой-либо комментарий мимикой на вопросительно-удивленный взгляд медсестры, я отвела глаза и, конечно, взгляд неизбежно уперся в этого клоуна, он немного изменил положение головы, как бы слегка склонив ее набок в ожидании ответа, за что его бьют с утра. Будто я могла им ответить!

Пришлось отвести взгляд и от него, и так как деться от них двоих мне было некуда, я посмотрела вверх.

- Во, видели! – Возмутился этот проходимец самодур, а потом приподнялся, попадая снова в поле моего зрения, и помахал мне рукой. – Злыдня, что я тебе сделал-то?

Прятаться не имело смысла, и я, несмотря на то, что чувствовала себя нелепо, снова зло посмотрела на него. А этот, продолжая устраивать шоу, вскинул руку, указывая медсестре на меня, а потом пообещал ей все исправить, поднял мою руку, сжатую в кулак, и снова треснул себя ею по лицу.

Я пыталась оставаться серьезной, но этот, если уже вошел в раж, рассмешит мертвеца, что уж про меня с медсестрой говорить. Вслед за медсестрой пришел врач и веселье как корова языком слизала.

Хмурый как туча доктор, подошел к мониторам, долго что-то смотрел на них, не с кем не здороваясь и не общаясь, а потом перевел свой тяжелый взгляд на меня. Я занервничала.

- Голова сейчас болит?

Я кивнула. Голова не болела сильно, когда я проснулась, она болела гораздо сильнее, но сейчас как будто бы чуть лучше стало.

- Сильно?

Попыталась мотнуть головой, но вышло не очень ясно.

- Где болит? – Он показал на лоб, потом на виски, когда дошел до затылка, я кивнула.

- Боль началась сразу, как проснулись или сейчас появилась? Сразу?

Как меня допросы все эти выматывали. Сегодня был особенно дотошный, к концу ответов на вопросы, мне уже спать хотелось, а мне обещали дать сегодня попить с ложки. Когда врач начал допытываться, из-за чего такая реакция была, кто меня расстроил и подвел все ко сну, стало неловко. Врач понял, что мне просто что-то приснилось, и начал объяснять, что такое бывает у тех, кто вышел из комы, могут быть ложные воспоминания и вообще сам сон восприниматься как реальность.

- Некоторые пациенты целую жизнь проживают за несколько месяцев комы, а когда возвращаются, не могут поверить, что то была просто иллюзия. Вам нужно держаться за настоящее, потому что такие реакции на сон, опасны. Сосуды после комы все равно, что хрустальные. Такие скачки давления могут закончиться инсультом или кровоизлиянием в мозг. Понимаете?

Я кивнула. Хотелось плакать, но я держалась. Что, если доктор прав? Что если все, что было то просто чушь из моей головы?

- Я не хочу вам лишний раз ставить седативное, поэтому пока не будем торопиться, но если сны будут вот такими же яркими и будут вас будоражить, придется что-то думать, рисковать сейчас нельзя, понимаете?

Я снова кивнула. Врач ушел, вслед за ним ушла медсестра, и очень жаль, что не забрала с собой Влада, очень хотелось остаться одной, но он сидел рядом и молчал. На подоконник приземлилась ворона и, здороваясь, постучалась в окно. Рука, сжимавшая сердце, словно бы немного ослабила тиски. Когда я отвела от нее взгляд, Влад как-то странно смотрел на меня. Как будто он все понял, но не проронив ни слова, он вышел из палаты, а когда вернулся, словно и не было тех коротких странных мгновений... хотя, возможно, я снова надумала лишнего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.